

ДИСКУССИИ

DISCUSSIONS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223

**ВАРИАНТНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕГО
РАЗВИТИЯ****Юрий В. Дорофеев**Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности функционирования русского языка в современном мире на основе принципов лингвистического функционализма и теории вариантности. Путем сопоставительного анализа устанавливаются закономерности образования и развития различных форм существования языков, устанавливаются их соответствия различным условиям функционирования языка. Исследование материалов по вариативности русского языка позволяет утверждать, что на нынешнем этапе для него характерны не только территориальный и социальный типы варьирования, но и региональный и национальный. При этом сопоставление вариантов русского языка указывает на то, что у них сохраняется общее ядро (инвариант), позволяющее идентифицировать их именно как варианты, а не отдельные языки.

Ключевые слова: вариант, георусистика, функционализм, форма существования языка, русский язык

**VARIATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A NECESSARY CONDITION FOR
ITS DEVELOPMENT****Yuri V. Dorofeev**Crimean Republican Institute of Postgraduate Teacher Education,
Russian Federation

The article discusses the features of the functioning of the Russian languages in the modern world based on the principles of linguistic functionalism and the theory of variance. On the basis of a comparative analysis, the author establishes regularities for the formation and development of various forms of the existence of languages, as well as their correspondence to various conditions for the functioning of a language. The study of materials on the variability of the Russian language allows determining that at the current stage it is characterized not only by territorial and social types of variation, but also by regional and national ones. At the same time, a comparison of the variants of the Russian language indicates that they retain a common core (invariant), which makes it possible to identify them precisely as variants, and not as separate languages.

Keywords: variant, georusicistica, functionalism, form of language existence, Russian language

В процессе становления функциональной парадигмы в лингвистике [Рудяков, 2020a] в последние годы интересы русистов сместились в сторону исследования соответствующих

аспектов развития русского языка в целом. На первое место выходит процесс функционирования языка, «живая речь, а не суррогат, не абстрагированные от человека формы. Языкознание становится наукой о языковой личности, использующей язык для реализации своих практических целей» [Рудяков, 1993: 11]. Обсуждая перспективы развития русистики в XXI в., ученые в той или иной степени уделяют внимание вариантности как существенному свойству русского языка, которое отражает его функционирование в разных условиях, и как необходимому условию эволюции русского языка и сохранения его социальных функций. Поиски ответа на вопрос о роли категории вариантности в развитии и изменчивости языка требуют совершенно новой гносеологической и методологической базы [Рудяков, 2020b]. Поэтому мы полагаем необходимым в рамках нашего исследования определить, какие характеристики русского языка оказываются в фокусе внимания современных лингвистов и как они соотносятся с категорией вариантности.

Системность языка вообще обусловлена спецификой условий его функционирования: «Семантическое устройство языка предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает ориентацию человека в мире» [Шелякин, 2005: 132]. Язык отражает все многообразие объективной действительности относительно человека как субъекта сознания, и, если бы такое диалектическое и живое единство отсутствовало, язык не мог бы выполнять свои функции. Ведь «феномен, который можно назвать владением языком, состоит в способности относительно успешно ориентироваться в напластованиях разнородных компонентов и их непрерывных пластических изменениях, в бесчисленных переплетениях аллюзионных, эмотивных, жанровых силовых линий» [Гаспаров, 1996: 14–15]. Таким образом, обнаруживается функциональная и телеологическая обусловленность языка как инструмента, обеспечивающего взаимодействие и адаптацию людей. Эта обусловленность требует исследования языка с позиций пользователя, которая определяется разнообразными пресуппозициями (психическими, культурными, общественно-историческими, физическими и др.), и с позиции телеологической, поскольку речевая деятельность направлена на приведение поведения и сознания окружающих в соответствие со своими представлениями о должном и желаемом [РАН], поэтому функциональная характеристика языковых средств заключается в определении их онтологических свойств на основе функции объекта (элемента, структуры, системы). При этом именно «подвижность» языка есть одно из условий его бытия, язык «изменяется, чтобы *продолжать функционировать* как таковой» [Косериу, 2001: 18]. Таким образом, изменчивость есть одно из фундаментальных свойств языка, а невозможность преобразований делает его замкнутой системой, не способной к выполнению соответствующей

функции. Изменчивость же и динамичность языка, в свою очередь, обеспечиваются в процессе варьирования, посредством которого реализуются потенциальные возможности системы.

Изменчивость языка отражает его непосредственную связь с опытом субъекта, которую Ш. Балли определил парадоксальным образом: «Языки непрерывно изменяются, однако они могут функционировать только не изменяясь» [Цит. по: Косериу, 2001: 5]. Чтобы разрешить обозначенную проблему, необходимо помнить: «То, что называется “изменением в языке”, является таковым лишь по отношению к языку предшествующей эпохи, а с точки зрения современного языка, это кристаллизация новой традиции, то есть как раз неизменение» [Там же: 17]. Поэтому рассмотрение разнообразных модификаций в языке с точки зрения отступления от норм или даже порчи языка является следствием того, что в качестве образца лингвистами нередко рассматривается некий абстрактный, эталонный, нормативный и статичный язык, который не зависит от конкретных условий речевой деятельности и принимается исследователями как уже сложившаяся и статичная система, не требующая дальнейшего развития.

В связи с определением изменчивости как характеристики живого естественного языка возникает вопрос: почему изменение соответствует онтологии языка и его функционированию? Э. Косериу отвечает на него следующим образом: «Язык изменяется именно потому, что он не есть *нечто готовое*, а непрерывно *создается* в ходе языковой деятельности. Другими словами, язык изменяется, потому что на нем говорят, потому что он существует лишь как техника и совокупность закономерностей речи» [Там же: 46]. Но могут ли языки не изменяться? Возможно, на каком-то этапе совершенство языка становится абсолютным и уже не допускает вмешательства со стороны своего носителя/ Ведь как пишет Э. Косериу: «В самом деле, уже то, что мы обсуждаем эту проблему в причинных терминах и задаемся вопросом, *почему изменяются языки* (как будто они не должны изменяться), подразумевает, очевидно, *естественную устойчивость*, нарушаемую и даже отрицаемую развитием, которое представляется противоречащим самой сущности языка» [Там же: 5].

Наиболее последовательно суть изменчивости языка в связи с внешними факторами демонстрирует анализ традиции исследования категории вариантности на материале романских и германских языков. В результате переключения внимания ученых с описания структурных свойств отдельных форм существования языков, где ведущим принципом была материальная близость элементов и ориентация на выбор одного из них как основного, образцового, на их функциональные характеристики был обоснован постулат о возможности развития и относительно самостоятельного существования разных типов вариантов

(территориальных, социальных, региональных, национальных и др.) английского, немецкого, французского и испанского языков.

Но в исследованиях по русскому языку категория вариантности по-прежнему рассматривается преимущественно в рамках противопоставления норма/вариант [Королькова, 2014], а не инвариант/вариант, вследствие чего все формы существования языка рассматриваются по отношению к литературной как дополнительные и воспринимаются многими лингвистами как исключительно речевые факты. Такой подход находит объяснение в истории языкознания и социума, поскольку в какой-то момент выделение литературной формы языка становится важным этапом консолидации его носителей. Поэтому традиционно в отечественном языкознании наряду с литературной формой в рамках общенародного языка выделяются территориальные и социальные диалекты (варианты), которые определяются как в разной степени закрытые подсистемы. При этом все типы диалектов нередко характеризуются как уходящие в прошлое или имеющие очень ограниченную сферу использования, хотя нет никаких сомнений в том, что большинство диалектов всех типов существуют наравне с литературной формой не одно столетие, развиваются параллельно с ней и не утрачивают свою актуальность до сих пор. Следует отметить также, что многие из территориальных диалектов уходят своими корнями в историю народа и существовали уже в ту эпоху, когда литературного варианта еще не было.

Выдвижение в исследованиях на первый план функциональных характеристик языка обуславливает интерес ученых к его вариативности, которая становится предметом отдельного рассмотрения, чему способствует новый этап развития русского языка, его функционирования в разных регионах России и за ее пределами [Рудяков, 2016]. Вследствие этого, кроме традиционных территориальных и социальных вариантов, русисты стали выделять региональные варианты и национальные варианты (а также и некоторые другие, см., например, исследование русских пиджинов [Перехвальская, 2008]). Необходимость описать подобные формы существования русского языка в рамках имеющегося категориального аппарата, привела к констатации функционирования новых для русского языков типов вариантов. Ряд лингвистов рассматривает эту проблему с позиции определения вариативности конкретного языка в определенную историческую эпоху как свидетельство в пользу когнитивной мощности языка, его способности к активному развитию и востребованности в разных слоях социума и на большой территории (А.Н. Рудяков, Г.В. Степанов, Е.А. Журавлёва и др.). Такой подход к проявлению языковой вариативности представляется нам закономерным и обоснованным.

Осмысление каждой новой формы существования русского языка сталкивается с разного рода затруднениями, главным из которых является поиск термина, которым следует

обозначить новый феномен. Определения таких терминов, как *диалект*, *полудиалект*, *социолект* относительно устойчивы, а специфика употребления новых терминов не вполне ясна. Например, терминами *региональный язык*, *региональный вариант*, *региолект* обозначают особую форму устной речи, в которой «утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» [Герд, 1995: 13]. Для обозначения языка региона используют также устоявшийся термин *койне*, хотя эта форма языка по своей сути является наддиалектным идиомом, который определяется как «функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» [Языкознание, 2000: 230]. Подчеркнем, что дискуссии относительно содержания перечисленных терминов свидетельствуют о необходимости осмысления проблемы возникновения новых форм существования русского языка. Собственно, трансформация территориальных диалектов в полудиалекты или региональные варианты является вполне закономерной, о чем свидетельствует и образование региолектов в других языках. Но сама эта трансформация пока настолько непривычна, что требует разработки нового подхода к языковым явлениям, и это вполне объяснимо, поскольку противопоставление литературной формы территориальным диалектам давно стало традиционным, а включение в данный ряд других компонентов в рамках структурного или семантического подхода затруднительно.

Наблюдение над особенностями функционирования языков приводит к мысли, что, хотя в каждом языке выделяются характерные для него формы существования, сами эти формы не являются уникальными. И в целом для всех языков характерна единая стратификация языковых состояний, соответствующая их положению в социуме, хотя отдельные формы существования могут рассматриваться для конкретного языка как актуальные или потенциальные. Поэтому исследование русского языка должно базироваться на представлении о том, что любой язык имеет тенденцию к дифференциации своих вариантов в зависимости от региональной и социальной распространенности.

Рассматривая всю совокупность форм реализации отдельного языка, мы можем выделить варианты, которые характерны именно для него. Для русского языка такими формами традиционно считаются литературный язык, территориальный диалект и социальный диалект, однако мы полагаем необходимым дополнить этот ряд. Обозначим кратко особенности выделяемых сегодня учеными форм существования русского языка. При этом

отметим, что литературную форму следует рассматривать с позиции теории вариантности как один из социальных вариантов [Маковский, 1982: 7], обладающий большей степенью престижности и значимости, чем прочие.

Для каждого языка существует своя фрагментация действительности, которая по-разному соотносится с деятельностью пространственно или социально ограниченных групп, использующих для обозначения таких фрагментов мира особые средства номинации. Фиксированность номинаций по отношению к объектам действительности устойчива и необходима для взаимодействия в социальной среде. При этом различия между вариантами отражают коммуникативные нужды говорящих и являются следствием нескольких причин. Среди них следует назвать следующие: 1) невозможность обозначить объекты и явления действительности номинативными единицами, характерными для противопоставленного варианта (подходящего средства может вообще не существовать в той форме языка, которая используется в других коммуникативных условиях); 2) соображения экономии языковых средств и желание более компактно выразить мысль, чем это допускает система номинаций противопоставленных вариантов; 3) стремление к экспрессивности и оригинальности; 4) необходимость указания на свою принадлежность к пространственно или социально ограниченной группе. Значимость причин может быть различной, но все они могут способствовать созданию нового знака или видоизменению старого, в том числе и путем заимствования. Эти возможности своеобразно преломляются для разных ситуаций общения, связанных с пространственным и социальным членением коллектива.

Исключение отдельных типов вариантов из системы национального языка представляется необоснованным и противоречит самой природе русского языка. По этому поводу Ф.П. Филин писал, что сведение русского национального языка только к литературному – применительно к дореволюционному времени в России – означало бы, что «крестьяне, рабочие, значительная часть других социальных слоев населения находились вне нации, а нацией была лишь верхушка общества» [Филин, 1981: 167]. Таким образом, описание разных форм русского языка как исключительно речевых фактов не имеет под собой основания: они выступают как функциональные варианты, реализующие единый инвариант в различных условиях [Рудяков, 2016].

Расхождения в системах номинации территориальных и социальных вариантов исследованы достаточно широко. Признаки этих форм достаточно устойчивы: они обслуживают бытовые интересы территориально ограниченной и относительно замкнутой группы носителей языка или объединенного социальными интересами коллектива и обладают собственными, являющимися устойчивыми и нормативными для них отличиями от других

вариантов. При этом данные формы являются компонентом более общей структуры и обладают признаками генетического и структурного единства в системе данного языка.

Активизация исследования диалектов русского языка относится к началу XX в., но на протяжении века отношение к ним было неоднозначным, а в наше время интерес к этой форме существования национального языка связан с общей антропоцентричностью языкознания, вследствие чего территориальные варианты рассматриваются как характеристика культуры, личности, этноса, связываются с процессом категоризации действительности в языке. При этом в круг интересов лингвистов входят и такие диалекты, которые распространены за пределами исконной территории функционирования русского языка (например, в Южной Америке) [Ровнова, 2010]. Лексическое своеобразие диалектов не вызывает сомнений, а словарное богатство каждого отдельного диалекта вполне сопоставимо с литературной формой.

В основе территориального типа варьирования лежит инвариантная система национального языка, о чем свидетельствуют факты диалектной речи. Так, диалектная лексика, представленная в Псковском областном словаре, охватывает как общезыковое ядро, так и собственно диалектные номинативные единицы, отражающие специфику быта, географические условия и т.п.: *бабаха* (оладья, лепешка), *бегитка* (походка), *большан* (крупная рыба), *вбиться* (с усилием проникнуть куда-нибудь), *взгалиться* (засмотреться), *выпрать* (выстирать), *гадюк* (змея), *гоготуха* (гусыня), *горбак* (крайний ломоть каравая), *деряга* (недоброжелательный злой человек), *жалковать* (печалиться, горевать), *заглумной* (плохо соображающий, дурной), *издеватель* (тот, кто издевается над кем-то), *квасовар* (человек, который готовит квас) [Словарь, 1965–2010]. Данные примеры наглядно демонстрируют, как потенциально возможное в языке актуализируется в соответствующих условиях. И неслучайно представители московской лингвистической школы рассматривали территориальные варианты как макросистему, реализацией которой является отдельно взятый говор. Такая позиция обусловлена тем, что часть элементов этой макросистемы присутствовала во всех говорах, а часть была представлена в виде соотносительных вариантов, которые получили название противопоставленных и непротивопоставленных диалектных различий и которые в рамках теории вариантности определяются как соответствия между разными типами вариантов [Степанов, 2004] или как дивергентные и аналоговые различия [Швейцер, 2003]. Таким образом, данный параметр позволяет сопоставить территориальное (диалектное) варьирование с региональным и национальным.

В новых условиях существования диалекты вобрали в себя (иногда значительно преобразовав) очень много лексических единиц из других вариантов (в том числе литературного варианта). Собственно говоря, если строго следовать определению

территориальных диалектов, то ими можно считать только такие варианты, которые функционируют на исконной территории распространения данного языка, а все прочие варианты в рамках единого государства следует относить к региональным, но на территории России, как и бывшего СССР, территориальное варьирование всегда связывали с сохранением местных традиций и межнациональными тенденциями развития. Мы полагаем, что причины возникновения территориальных вариантов восходят к онтологии и древнейшей эволюции языка и связаны с необходимостью противопоставления того коллектива, который осознается как свой, другому – чужому. Такое противопоставление есть стимул развития для обеих групп.

Общие закономерности варьирования наблюдаются и в процессе анализа социальных вариантов (диалектов; социолектов), представляющих собой более или менее устойчивую подсистему языковых средств (как правило, номинативных), характерных для речи какой-либо социальной группы (потенциально таких групп может быть неограниченное количество: профессиональные, возрастные, сословные и т.п.) в рамках конкретного национального языка. В этом случае тоже возникают соответствия, носящие, однако, не пространственный, а социальный характер. В пределах этих вариантов обнаруживаются те же закономерности, которые характерны для территориальных вариантов: противопоставление другим формам существования; наличие специфических номинативных средств; выделение объединенной по социальному признаку группы из числа ей подобных.

Рассмотрим с этой точки зрения ряд примеров: *бахнуть* (выпить спиртного), *башли* (деньги), *бекапить* (создавать резервную копию), *отпадный* (прекрасный, достойный удивления), *гуманоид* (студент гуманитарного факультета), *двинутый* (ненормальный), *сбацать* (сыграть что-то), *зависать* (находиться где-то на протяжении определенного времени), *минор* (бедный человек), *наворот* (что-то сложное для понимания) [Никитина, 1998]. Анализ этих номинативных единиц позволяет отметить, что, во-первых, они характеризуются как речевые особенности относительно обособленных групп людей и потому противопоставляются средствам реализации тех же сигнификатов в других вариантах языка; во-вторых, они существенно отличаются от соотносительных с ними единиц, представленных в других вариантах, не только в плане экспрессивности (на самом деле эта характеристика не является преобладающей), но и, что гораздо важнее, как явный показатель принадлежности к определенному кругу, т.е. на первый план в значении этих слов выступают семы, удачно названные А.Н. Рудяковым «мы-семами» и выполняющие демаркационную функцию; в-третьих, такой тип варьирования демонстрирует уже отмеченные выше закономерности возникновения специфических для данной формы номинативных единиц.

Относительно наличия других типов варьирования в русском языках сегодня ведутся дискуссии. Ученые выделяют региональные варианты (региолекты) [Словарь, 2006], этнические варианты (этнолекты) [Там же], а также, по аналогии с такими языками, как испанский и английский, национальные (нациолекты) [Рудяков, 2016]. В некоторых случаях особо выделяются разные типы интерферированных форм языков (русско-украинский суржик, русско-белорусская трасянка, русские пиджины на востоке России и т.п.). Рассмотрим особенности этих форм.

При характеристике региональных вариантов важными оказываются следующие признаки: 1) «региональное своеобразие речи зависит не от естественных границ регионов, а от причин собственно лингвистического и экстралингвистического характера, прежде всего от контактов с другими языками и от взаимодействия с окружающими говорами» [Сергиева, 1994: 11]; 2) «существенной характеристикой региолекта является его соотнесенность с определенным социумом, что определяет все разнообразие дифференциальных особенностей в языке региона» [Новикова, 2011: 19]. Указанные признаки подводят нас к мысли, что региональный вариант представляет собой форму существования языка, которая обусловлена пространственным и социальным факторами. И актуальность приобретает не только установление статуса, содержания и структуры языкового образования, определяемого термином *региолект*, но и квалификация номинативных единиц, которые репрезентируют данную форму.

Очевидно, региональный тип варьирования отмечался исследователями и ранее, хотя для его описания и использовался иной терминологический аппарат. Обсуждая эту проблему, В.И. Беликов указывает на словарную помету *обл.*, которая выводила функционирование соответствующего слова за рамки литературной нормы, но при этом и не относила его исключительно к диалектной системе [Беликов, 2004]. Подобные единицы получали разные дефиниции, вследствие чего для их обозначения использовались термины *диалектизм*, *локализм*, *провинционализм*, *регионализм*. Таким образом, к ним относились номинативные средства, которые имели ограниченное употребление или получившие наименование *безэквивалентная лексика*, *этнографизмы*, *экзотизмы*. Термин *регионализм* наиболее поздний по времени появления. Т.Ф. Новикова отмечает, что «такое явление, как регионализмы, т.е. специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения, в наименьшей степени изучено, если не сказать больше – не изучено» [Новикова 2011: 21], и поэтому пока что у него нет достаточно четкой дефиниции. Кроме того, ученые отмечают также, что для региональных разновидностей конкретного языка характерно наличие заимствованных единиц, которые проникают в них вследствие длительных контактов

носителей разных языков на одной территории. В частности, для русского языка возникновение региональных вариантов связано с его функционированием в отдельных субъектах Российской Федерации [Lanovaya, 2021]. Несмотря на определенные расхождения в интерпретации соответствующих языковых фактов, можно утверждать, что региональный тип варьирования является актуальным для современного русского языка так же, как и для многих других языков.

На материале языков германской и романской групп были выделены национальные варианты. Можно ли говорить о таком типе варьирования применительно к русскому языку? Поскольку национальные варианты выделяют в системе тех языков, которые распространены на территории двух или более государств (именно функционирование в рамках иной государственности обуславливает этот тип варьирования), то, по мнению многих лингвистов (А.Н. Рудяков, Е.А. Журавлева, И.Н. Кошман и др.), именно такая ситуация складывается в ряде стран, в которых русский язык продолжает активно использоваться после распада СССР, поэтому они предлагают рассматривать русский язык как национально негомогенный и имеющий тенденцию к образованию своих национальных вариантов.

Наличие национальных вариантов не разрушает единство языка. Осознание языка как компонента какого-либо государственного образования, независимо от того, используется ли он другими нациями или государствами, «должно основываться на понимании возможности самостоятельного и независимого развития собственного национального языка, хотя бы он и относился к языку другой нации, как одна разновидность (вариант) единого языка относится к другой его разновидности (варианту)» [Языкознание, 2000: 326]. При этом важно помнить, что «обслуживает ли язык одну или несколько наций, к определению признаков нации это не имеет никакого отношения» [Филин, 1981: 89].

В аспекте возможности образования национальных вариантов представляют интерес закономерности функционирования русского языка на территории государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза. Все больше исследователей сегодня склоняются к мысли, что изучение и преподавание русского языка на Украине, в Беларуси, Казахстане, Латвии требуют иного подхода, нежели в России. Показательны в этом отношении материалы Международных конгрессов исследователей русского языка (МГУ им. М.В. Ломоносова), конгрессов МАПРЯЛ, Международного крымского лингвистического конгресса, материалы сборников «Русский язык в странах СНГ и Балтии», «INSTRUMENTARIUM OF LINGUISTICS: SOCIOLINGUISTIC APPROACHES TO NON-STANDARD RUSSIAN». Особый интерес представляет ситуация с русским языком в тех странах, где русский язык получил статус государственного или официального (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан). Эта ситуация вполне

отвечает тем условиям, которые определяют самостоятельное развитие варианта языка на территории другой страны. В этих государствах русский язык продолжает развиваться естественным путем, в результате чего происходят стихийные (а иногда и целенаправленные) изменения.

Выводы

С позиции функциональной парадигмы национальный язык существует в виде различных форм (вариантов), среди которых выделяют литературную форму, несколько территориальных и региональных форм, а также разнообразные социальные и просторечные формы. При этом для каждого конкретного языка актуальными могут быть различные типы вариантов, в том числе может отсутствовать литературная форма, что не отрицает потенциальной возможности ее развития. Обобщенные результаты сопоставления системы вариантов в испанском, французском, немецком, английском и русском языках и соотнесение их с принципами описания форм существования одного языка в лингвистике позволяют установить типологическую зависимость между типом варианта и влиянием экстралингвистических факторов (пространственных и социальных).

При сопоставлении разных вариантов одного языка обнаруживается, что они сохраняют общее ядро, позволяющее идентифицировать их именно как варианты, а не отдельные языки. Это ядро проявляется прежде всего в наличии инварианта, который определяет границы варьирования. Поскольку язык представляет собой непрерывный континуум вариантов, а границы государств и этнокультурных общностей часто не совпадают, между вариантами не всегда можно провести четкую границу. История отдельных языков показывает, что языки, которые не изменяются, перестают отвечать требованиям своих носителей: жизнь человека динамична, и поэтому все, что с ней связано, не может пребывать в одном и том же неизменном виде всегда. Вследствие этого даже искусственные языки испытывают потребность в развитии и подвергаются изменениям (хотя бы в области словаря).

Изменения касаются всех форм существования языка. При этом исчезновение старых единиц, по каким-либо причинам ставших неактуальными, не следует относить к обеднению или разрушению языка. Чаще всего в языке устаревшие компоненты сохраняются, переходя в пассивный запас и не нарушая баланса системы. Так называемые архаизмы или историзмы могут сохранять актуальность в художественных произведениях, использоваться в социальных или территориальных вариантах, их значение может быть переосмыслено со временем (например, слова *городовой*, *десница*, *епанча*, *кольчуга*, *перст*, *фельдфебель* и т.д.). Часть этих слов может вновь актуализироваться, как, например, слова *полиция*, *губернатор* в современной

России или *стилус*. Часть слов уходит безвозвратно и не включаются в современные словари: *абулия, баркан, вакация, двоегласие, жирандоль, кирченый, кунктатор* и т.д., а некоторые, сохранившиеся в словарях, могут быть нам уже не знакомы. Для теории вариантности важно, что устаревшие слова, словосочетания, грамматические формы и даже фонемы могут быть актуальными в одном варианте языка и почти или совсем не использоваться в другом (например в территориальном и литературном вариантах). При этом могут приобрести особое значение во всех разновидностях одного или даже нескольких языков те номинативные единицы, которые ранее рассматривались как региональные, определялись как экзотизмы и т.п. (*мате, наб, сомелье, таблоид* и др.). Таким образом, процесс адаптации языка к изменяющимся условиям проявляется в том, что носители языка приспосабливают его к своим потребностям.

Следовательно, «изменение – это не простая случайность, оно принадлежит самой сути языка: в самом деле, язык создается посредством того, что называют «языковым изменением» [Косериу, 2001: 75]. Справедливость этого тезиса, мы полагаем, распространяется и на варьирование в русском языке, вариантность которого – это не нарушение норм, не трансформация литературной формы, а категория, отражающая закономерности эволюции и функционирования живого языка, обслуживающего человеческий Универсум. Вариантность языка должна объясняться с учетом его функций и конкретных форм существования, поскольку язык, используемый для регулирования социальных отношений в пределах языковой общности, не может быть статичным, а непрерывно преобразуется и пересоздается в деятельности человека. Вариантность же выступает как основа сохранения функционального, а не структурного единства языка.

Развитие и функционирование языков в мире определяется общими закономерностями, среди которых – потенциальная возможность образования разных типов вариантов в соответствующих условиях. Русский язык не является исключением. Поэтому его использование за пределами территории исконного распространения и разными социально-культурными общностями обуславливает адаптацию русского языка к различным территориальным, социальным, политическим и культурным ситуациям. И ведущую роль в этом процессе играет именно вариантность как категория, обеспечивающая функциональное единство различных форм существования русского языка.

Литература

Беликов В.И. (2004) Задачи социальной лексикографии // Русский язык : Исторические судьбы и современность : II Междунар. конгр. исследователей рус. яз. : Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во МГУ. С. 181–182.

- Гаспаров Б.М.* (1996) Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования. М.: НЛЮ. 352 с.
- Герд А.С.* (1995) Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во СПбГУ. 92 с.
- Королькова О.О.* (2014) Основные аспекты изучения вариантов в современном русском языкознании // Научный диалог. № 10 (34) : Филология. С. 108–122.
- Косериу Э.* (2001) Синхрония, диахрония и история : (Проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 204 с.
- Маковский М.М.* (1982) Английские социальные диалекты : (Онтология, структура, этимология. М.: Высшая школа. 135 с.
- Никитина Т.Г.* (1998) Так говорит молодежь : Словарь сленга : По материалам 70–90-х годов. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс. 592 с.
- Новикова Т.Ф.* (2011) Современные региолекты : Проблемы статуса и описания // Лингвистика. Луганськ: Видавництво ЛНУ. №3. Ч.1. С. 17–25.
- Перехвальская Е.В.* (2008) Русские пиджины. СПб.: Алетейя. 363 с.
- Ровнова О.Г.* (2010) Идеи георусистики глазами диалектолога // Георусистика : Первое приближение / Под ред. А.Н. Рудякова. Симферополь: Антикава. С. 50–68.
- Рудяков А.Н.* (2016) Георусистика : Русский язык в глобальном мире. М.: Лексрус. 320 с.
- Рудяков А.Н.* (2020а) Лингвистика и ее «скелеты в шкафу». М.: Азбуковник. 416 с.
- Рудяков А.Н.* (2020b) О понятийном аппарате и гносеологических основах современной лингвистики : Георусистика, «национальные варианты русского языка», социорусистика // Социолингвистика. № 2 (2). С. 150–167. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167
- Рудяков Н.А.* (1993) Поэтика, стилистика художественного произведения. Симферополь: Таврия. 146 с.
- Рудяков А.Н.* (2012) Язык, или Почему люди говорят : Опыт функционального определения естественного языка. 2-е изд. М.: Флинта; Наука. 158 с.
- Сергиева Н.С.* (1994) Русский язык в региональном аспекте и проблемы его изучения // Духовная культура : Проблемы и тенденции развития : Тезисы докл. Всерос. науч. конф. «Лингвистическое изучение материальной духовной культуры». Сыктывкар. С. 10–12.
- Словарь русских народных говоров (1965–2010) / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М. ; Л. ; СПб.: Наука. Вып. 1-43.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Степанов Г.В.* (2004) К проблеме языкового варьирования : Испанский язык Испании и Америки. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 328 с. (Языки народов мира).
- Филин Ф.П.* (1981) Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука. 328 с.
- Швейцер А.Д.* (2003) Литературный английский язык в США и Англии. 2-е изд, стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 200 с.
- Шелякин М.А.* (2005) Язык и человек : К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука. 296 с.
- Языкознание : Большой энциклопедический словарь (2000) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: БРЭ. 685 с.
- Lanovaya, T.V.* (2021) Units Reflecting The Geographic And Biological Diversity Of The Region: Linguoculturological Aspect.// II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society – ICEST-II 2021 (Krasnoyarsk – Saint-Petersburg, Russia, May 19-21, 2021). P. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.44.

References

- Belikov, V.I.* (2004) Zadachi social'noj leksikografii [Tasks of social lexicography] // Russkij jazyk : Istoricheskie sud'by i sovremennost' : II Mezhdunar. kongr. issledovatelej rus. jaz. : Trudy i

- materialy / Sost. M. L. Remneva, O. V. Dedova, A. A. Polikarpov. M.: Izd-vo MGU. Pp. 181–182. (In Russ.)
- Gasparov, B.M.* (1996) Jazyk, pamjat', obraz : Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. M.: NLO. 352 p. (In Russ.)
- Gerd, A. S.* (1995) Vvedenie v jetnolingvistiku [Introduction to ethnolinguistics] SPb.: Izd-vo SPbGU.. 92 p. (In Russ.)
- Korol'kova, O. O.* (2014) Osnovnye aspekty izuchenija variantov v sovremennom russkom jazykoznanii [The main aspects of the study of variants in modern Russian linguistics] // Nauchnyj dialog. No. 10 (34): Filologija. Pp. 108–122. (In Russ.)
- Koseriu, Je.* (2001) Sinhronija, diahronija i istorija : (Problema jazykovogo izmenenija) [Synchrony, diachrony and history : (The problem of language change)]. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 204 p. (In Russ.)
- Makovskij, M.M.* (1982) Anglijskie social'nye dialekty :(Ontologija, struktura, jetimologija) [English social dialects : (Ontology, structure, etymology)]. M.: Vyssh. shkola. 135 p. (In Russ.)
- Nikitina, T.G.* (1998) Tak govorit molodezh' : Slovar' slenga. Po materialam 70-90-h godov [So say the youth : Dictionary of slang. Based on the materials of the 70-90s]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Folio-Press. 592 p. (In Russ.)
- Novikova, T.F.* (2011) Sovremennye regiolekty : Problemy statusa i opisanija [Modern regiolects: problems of status and description] // Lingvistika. Lugansk: Vidavnictvo LNU. No. 3. Ch.1. Pp. 17–25. (In Russ.)
- Perehval'skaja, E.V.* (2008) Russkie pidzhiny [Russian pidgins]. SPb: Aletejja. 363 p. (In Russ.)
- Rovnova, O.G.* (2010) Idei georusistiki glazami dialektologa [Ideas of georusistica through the eyes of a dialectologist] // Georusistika : Pervoe priblizhenie/ Pod red. A.N. Rudjakova. Simferopol': Antikva. Pp. 50–68. (In Russ.)
- Rudjakov, A.N.* (2016) Georusistika : Russkij jazyk v global'nom mire [Georusistika : Russian Language in the Global World]. M.: Leksrus. 320 p. (In Russ.)
- Rudjakov, A.N.* (2020a) Lingvistika i ejo «skelety v shkafu» [Linguistics and its «skeletons in the cupboard»]. M.: Azbukovnik. 416 p. (In Russ.)
- Rudjakov, A.N.* (2020b) O ponjatijnom apparate i gnoseologicheskikh osnovah sovremennoj lingvistiki : Georusistika, «nacional'nye varianty russkogo jazyka», sociorusistika [On the conceptual apparatus and epistemological foundations of modern linguistics : Georusistica, «national variants of the Russian language», socio-Russian studies] // Sociolingvistika. No. 2 (2). Pp. 150–167. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167 (In Russ.)
- Rudjakov, N.A.* (1993) Pojetika, stilistika hudozhestvennogo proizvedenija [Poetics, stylistics of a work of art]. Simferopol': Tavrija. 146 p. (In Russ.)
- Rudjakov, A.N.* (2012) Jazyk, ili Pochemu ljudi govoryat : Opyt funkcional'nogo opredelenija estestvennogo jazyka [Language, or Why People Speak : An Experience of the Functional Definition of Natural Language]. 2-e izd. M.: Flinta ; Nauka. 158 p. (In Russ.)
- Sergieva, N.S.* (1994) Russkij jazyk v regional'nom aspekte i problemy ego izuchenija [Russian language in the regional aspect and problems of its study] // Duhovnaja kul'tura : Problemy i tendencii razvitija : Tezisy dokl. Vseros. nauch. konf. «Lingvisticheskoe izuchenie material'noj duhovnoj kul'tury». Syktyvkar. Pp. 10–12. (In Russ.)
- Slovar' russkih narodnyh govorov (1965-2010) [Dictionary of Russian folk dialects] / Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. M. ; L.; SPb.: Nauka. Vyp. 1–43. (In Russ.)
- Slovar' sociolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of sociolinguistic terms] / Pod red. V.Ju. Mihal'chenko. M.: Institut jazykoznanija RAN. 312 p. (In Russ.)
- Stepanov, G.V.* (2004) K probleme jazykovogo var'irovanija : Ispanskij jazyk Ispanii i Ameriki [To the problem of linguistic variation. Spanish of Spain and America]. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 328 p. (Jazyki narodov mira). (In Russ.)
- Filin, F.P.* (1981) Istoki i sud'by russkogo literaturnogo jazyka [Origins and fate of the Russian literary language]. M.: Nauka. 328 p. (In Russ.)

- Shvejcer, A.D.* (2003) Literaturnyj anglijskij jazyk v SShA i Anglii [Literary English in the USA and England]. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 200 p. (In Russ.)
- Sheljakin, M.A.* (2005) Jazyk i chelovek : K probleme motivirovannosti jazykovej sistemy [Language and Man : On the Problem of the Motivation of the Language System]. M.: Flinta : Nauka. 296 p. (In Russ.)
- Jazykoznanie : Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Linguistics : Big encyclopedic dictionary] / Gl. red. V.N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. 685 p. (In Russ.)
- Lanovaya, T.V.* (2021) Units Reflecting The Geographic And Biological Diversity Of The Region: Linguoculturological Aspect. // II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society – ICEST-II 2021 (Krasnoyarsk – Saint-Petersburg, Russia, May 19-21, 2021). P. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.44.

Дорофеев Юрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой филологии Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.

Адрес: 295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ленина, 15.

Эл. адрес: yuvld@mail.ru

Для цитирования: *Дорофеев Ю.В.* Вариантность русского языка как необходимое условие его развития [Электронный ресурс] //Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 209–223. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223

For citation: *Dorofeev, Yu.V.* Variation of the Russian language as a necessary condition for its development // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13) [online]. Pp. 209–223. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223